

Владимир Муравьев

МОСКОВСКИЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ

МОСКОВСКИЕ СЛОВА, СЛОВЕЧКИ И КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Московский путеводитель

Владимир Муравьев

**Московские слова, словечки
и крылатые выражения**

«Алисторус»

2007

УДК 94(031)
ББК 63.3(2-2Москва)я2

Муравьев В. Б.

Московские слова, словечки и крылатые выражения /
В. Б. Муравьев — «Алисторус», 2007 — (Московский
путеводитель)

Книгу известного писателя и исследователя столицы нашей родины, председателя комиссии "Старая Москва" Владимира Муравьева с полным правом можно назвать образцом "народного москвоведения", увлекательным путеводителем по истории и культуре нашего города. В ней занимательно и подробно рассказывается о чисто московских словах и словечках, привычках и обычаях, о родившихся на берегах Москвы-реки пословицах и поговорках, о названиях улиц и переулков и даже о традиционных рецептах московских блюд.

УДК 94(031)
ББК 63.3(2-2Москва)я2

© Муравьев В. Б., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

Предисловие	5
Душа Москвы	8
Пословицы, поговорки, крылатые слова	20
О пословицах, поговорках и крылатых словах	20
И Мамай правды не съел	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Владимир Муравьев

Московские слова, словечки и крылатые выражения

Предисловие

В Москве всегда и во всех сословиях ценилось выразительное слово, яркий эпитет, точное определение, певучая строка, складное присловье и замысловатый рассказ. Эта любовь москвичей к слову, умелое до виртуозности использование его в речи, богатство лексики народного языка, вбиравшего в себя сокровища всех русских говоров и из них создававшего общерусский литературный язык, – все это нашло воплощение в фольклоре и в русской классической литературе.

С.В. Максимов, автор широко известной и много раз переизданной книги «Крылатые слова», отводит московскому народному слову особое место в русском фольклоре.

С одной стороны, он отмечает общерусские корни всего московского: «Москву собирала вся Русь и сама в ней засела».

А с другой – московскую своеобычность: «За долгие и многие годы Москва успела выработать свои обычаи и наречия, свои песни, пословицы и поговорки и привела их во всенародное обращение вследствие долговременных связей и неизмеримо обширного знакомства с ближними и дальними русскими областями. Недаром говорится, что отсюда (обычно имеется в виду название какого-нибудь весьма отдаленного от столицы места, где бытует поговорка. – *В.М.*) до Москвы мужик для поговорки пешком ходил».

Меткое и выразительное, обрисовывающее ту или иную жизненную ситуацию, характер того или иного человека, общепонятное, общеупотребительное пословичное слово, если вдруг задуматься не над переносным его значением, а над прямым смыслом, часто представляется загадочным и (говоря словами С.В. Максимова) «либо темною бессмыслицею, либо даже совершенной чепухой».

Но зато какой глубиной и красками наполняется пословица, если становится известно ее происхождение, события, породившие ее. Только узнав это, понимаешь, как много стоит за пословицей или за одним-единственным метким словом, и лишь тогда сможешь по-настоящему понять их и насладиться их совершенством.

Москвичи всегда отличались пытливостью и любили все объяснять и растолковывать. А.Н. Островский в «Записках замоскворецкого жителя» отметил эту страсть москвичей и добродушно посмеялся над ней.

«Страна эта, – начинает свой очерк о Замоскворечье Островский, – по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замоскворечье. Впрочем, о производстве этого слова ученые еще спорят. Некоторые производят Замоскворечье от скворца; они основывают свое производство на известной привязанности обитателей предместьев к этой птице. Привязанность эта выражается тем, что для скворцов делают особого рода гнезда, называемые скворечниками. Их вот как делают: сколотят из досок ящичек, совсем закрытый, только с дырочкой такой величины, чтобы могла пролезть в нее птица, потом привяжут к шесту и поставят в саду либо в огороде. Которое из этих словопроизводств справедливее, утвердительно сказать не могу. Полагаю так, что скворечник и Москва-река равно могли послужить поводом к наименованию этой страны Замоскворечьем, и принимать что-нибудь одно – значит впасть в односторонность».

В очерках, входящих в эту книгу, автором предпринята попытка объяснить некоторые пословицы, поговорки, названия, то, что Максимов называл «крылатыми словами», которые вызвали к жизни и ввели в русскую речь московская история и московский быт.

Разнообразны и выразительны московские топонимы – названия урочищ-районов, улиц, переулков. Каждое старинное московское название – это не только звучное и красивое слово, они давались со смыслом и рассуждением и обязательно по какому-то характерному признаку, которым отличались улица или переулок от других улиц и переулков. В наименовании улицы существовали свои законы, поэтому, зная их, можно проникнуть в тайну даже таких загадочных московских названий, как Арбат, Зацепа, Балчуг...

О некоторых из них рассказывают очерки «Истинно московские названия».

Речь, слово – первоначало и фольклора – народного творчества, и литературы – произведений писателей-профессионалов. В прежние времена, до того, как в русский язык вошли слова «фольклор» и «литература», и то и другое носило единое название – словесность. Это справедливо, так как граница между ними весьма зыбкая и неопределенная.

В этой пограничной области существует целый пласт словесного творчества, обычно никуда не включаемый, – сочинения прикладного, бытового характера. О некоторых его «жанрах» – выкриках уличных торговцев, заказных стихотворных поздравлениях и других «бытовых» сочинениях старой Москвы – прочтете в этой книге.

Московская речь дала жизнь и московской профессиональной литературе.

Поэт XVIII века А.А. Палицын написал большое стихотворение «Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени», главное место в нем посвящено московским поэтам, успехи которых, как полагает автор, обусловило то, что они постоянно слышали московскую народную речь.

Московский никогда не умолкал Парнас,
Повсюду муз его был слышен мирный глас —
Живущим внутрь иль вокруг сея градов царицы,
Языка чистого российского столицы,
И должно в нем служить всем прочим образцом.
Не легче ль в той стране быть сладостным певцом,
Красноречивым быть творцом,
Где все, что окружает,
Природный к слову дар острит и умножает?..
Где слышны верные в языке ударенья
В жилищах поселян, среди уединенья.
В окрестностях Москвы, и в рощах, и в полях,
В народных всех речах,
В их песнях, в шутках их, пословицах, в играх
Блестают правильность и острота в словах...
Московский говорит крестьянин, как и князь:
Произношенье их равно и в речи связь,
Иль часто лучше тех князей и к смыслу ближе,
Которые язык забыли свой в Париже.
Прелестна мне Москва с окрестностями ея,
Тем боле, что люблю язык свой страстно я...

Все, что так многословно и обстоятельно, но верно и справедливо поведал наблюдательный А.А. Палицын, в 1830-е годы вместило в себя афористически краткое высказывание А.С. Пушкина: «Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо нам иногда

прислушиваться к московским просвирям. Они говорят удивительно чистым и правильным языком».

Московская тема в русской поэзии имеет давнюю традицию, первые стихи о Москве были написаны в XVII веке. О Москве писали не только москвичи, но все же лучшие стихи о ней написаны теми поэтами, которые имели возможность пожить в московской речевой стихии, проникнуться ею. Впрочем, знакомство с московской речью вообще обогащало язык писателя. Недаром Н.М. Языков, о котором А.С. Пушкин писал: «Сей поэт удивляет нас огнем и силою языка», призывал:

Поэты наши! для стихов
В Москве ищите русских слов!..

При написании этой книги использованы многочисленные литературные источники: словари русского языка, исторические документы, публикации фольклора, мемуары, произведения художественной литературы, а также собственные наблюдения автора над живой московской речью, которую он имеет счастье слышать со дня своего рождения.

Душа Москвы

Описания внешнего облика Москвы и жизни москвичей иностранцами путешественниками и самими москвичами похожи на разгадывание какой-то загадки, в них всегда присутствует нота удивления. В путеводителях XVIII – начала XIX века, в произведениях писателей и поэтов рассказ о Москве обычно сопровождается множеством эмоциональных восклицаний, но при этом чувствуется, что почти всегда сами авторы бывают как бы не удовлетворены написанным. Среди художников-видописцев начала XIX века, много рисовавших Москву, бытовало мнение, что «Москва никому не дается». То же «не дается» испытывали, обращаясь к московской теме, и литераторы.

К.Н. Батюшков в очерке «Прогулка по Москве», написанном менее чем за год до пожара 1812 года, писал: «Странное смешение древнего и новейшего зодчества... Я думаю, что ни один город не имеет ниже малейшего сходства с Москвой. Она являет редкие противоположности в строениях и нравах жителей. Здесь – роскошь и нищета, изобилие и крайняя бедность, набожность и неверие, постоянство дедовских времен и ветреность неимоверная – как враждебные стихии, в вечном несогласии, и составляют сие чудное, безобразное, исполинское целое, которое мы знаем под общим именем Москва».

Несходство чего-либо с чем-либо нагляднее всего проявляется при сравнении. В XIX веке любили сравнивать Москву и Петербург, противопоставляя один город другому. В этих сравнительных описаниях много интересного, тонкого, остроумного, особенно когда они принадлежали перу таких авторов, как А.И. Герцен, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский... Однако и в них целостного, определенного образа Москвы не складывалось, наблюдения и замечания оставались лишь черточками, деталями образа. Сравнения-противопоставления Москвы и Петербурга стремились обнаружить черты несходства: в Петербурге все улицы прямые и дома высокие, а в Москве – улицы кривые и домишки в землю вросли; в Петербурге суета, в Москве – мертвая тишина и так далее. Но такие противопоставления при первом же непредубежденном взгляде на обе столицы оказывались несостоятельными. Не тем эти города отличны один от другого: и в Петербурге немало кривых переулков и домиков в три окошечка, а в московской жизни так же полно суеты, – одним словом, и там и там всего наглядисься. Остроумнейший человек пушкинского времени москвич П.А. Вяземский, отвечая искателям различий между Петербургом и Москвой, пишет эпиграмму «Сравнение Петербурга с Москвой», в которой, наоборот, подчеркивает сходство старой и новой столиц:

Как на Неве,
Так и в Москве.

И все же, что ни говори, а каждый чувствовал, знал и видел: Москва – это Москва и ничто иное. Но в чем ее своеобразие? М.Н. Загоскин свою московско-петербургскую сравнительную статью «Брат и сестра» снабжает выразительным подзаголовком «Загадка».

В 1834 году, поступая в Юнкерское училище, гениальный юноша М.Ю. Лермонтов на экзамене написал сочинение «на вольную тему» – «Панорама Москвы». Вспоминая знаменитое описание панорамы Москвы в «Бедной Лизе», где Карамзин говорит: «Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей», он вступает с ним в полемику: «Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча: Москва не безмолвная громада камней, холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь».

Это было прозрение. Было найдено слово «душа», обозначившее то, что незримо объединяло весь конгломерат строений, вставших по сторонам прямых и кривых, длинных и корот-

ких, разной ширины улиц, переулков, проездов, дорог в неповторимое явление человеческого бытия и культуры – город Москву.

«Душа – заветное дело», «душа – всему мера», – утверждают пословицы, приводимые В.И. Далем в его собрании «Пословицы русского народа». Так какова же она, мера Москвы? Писатели, публицисты, путешественники много и охотно рассуждали об особенностях московской жизни, о свойствах характера москвичей и об их отличиях от всех других, и в общем ни у кого не вызывает сомнения, что «на всех московских есть особый отпечаток». Только вот в чем он заключается?

Н.В. Гоголь, человек аналитического склада ума и точных обобщений, приводит длинный ряд характерных черт Москвы и Петербурга, черт действительно верных, действительно присущих только той или другой столице.

«Москва женского рода, – пишет Гоголь, – Петербург мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи. Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы по всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает ее еще длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней как сарайные двери. Петербург – аккуратный человек, совершенный немец, на все глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва – русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане: она не любит середины. В Москве все журналы, как бы учены ни были, но всегда к концу книжки оканчиваются картинкой мод; петербургские редко прилагают картинки; если уж приложат, то с непривычки взглянувший может перепугаться. Московские журналы говорят о Канте, Шеллинге и прочих, и прочих; в петербургских журналах говорят только о публике и благонамеренности... В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками; в Петербурге журналы нейдут наравне с веком, но выходят аккуратно, в положенное время. В Москве литераторы проживаются, в Петербурге наживаются. Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу, и большей частью на обед; Петербург в байковом сюртуке, заложив обе руки в карманы, летит во всю прыть на биржу или в “должность”». Но в конце Гоголь резко обрывает характеристику Москвы неопределенным, алогичным, но в своей алогичности необычайно верно передающим невозможность решения поставленной задачи афоризмом героя грибоедовской комедии полковника Скалозуба: «Дистанция огромного размера».

О той же неуловимости «московского отпечатка» пишет в очерке «Петербург и Москва» В.Г. Белинский: «Москвичи так резко отличаются от всех немосквичей, что, например, московский барин, московский мыслитель, московский литератор, московский архивный юноша – все это типы, все это слова технические, решительно непонятные для тех, кто не живет в Москве».

Но из множества перечисленных и описанных писателями и публицистами частных московских черт в конце концов четко вырисовывается одна московская особенность, и она-то, присутствуя во всех бесконечных московских ликах, является главной и объединяет в одно все это, на первый взгляд, казалось бы, несоединимое до взаимоисключения московское разнообразие.

Эта главная черта была осознана и письменно сформулирована во второй половине XVIII века, причем получила, так сказать, официальную, высочайшую апробацию. «Я вовсе не люблю Москвы», – написала императрица Екатерина II в своих «Записках». Москвичей, в том числе и московское дворянство, она характеризует как «сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку и с незапамятных времен возмущается по малейшему поводу, страстно даже любит рассказы об этих возмущениях и питает ими свой ум».

Мнение императрицы было хорошо известно подданным. Н.М. Карамзин в статье «Записка о московских достопамятностях» писал: «Со времен Екатерины Великой Москва

прослыла республикою, – и соглашался с частичной правильностью ее высказываний: – Там, без сомнения, более свободы...»

«Вольность», «независимость» Москвы в конце XVIII века становится своеобразным литературно-политическим символом: название знаменитой книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» заключало в себе, кроме прямого, сюжетного, второй, символический смысл.

Идею свободы, независимости можно обнаружить во многих сторонах жизни и чертах характера москвичей, вплоть до московских чудачеств, которые А.С. Пушкин называет странностями: «Невинные странности москвичей, – говорит он, – были признаком их независимости».

Идея свободы самой историей была заложена и в градостроительный принцип Москвы.

После того как князь Юрий Долгорукий в середине XII века поставил на холме над рекой «град мал, деревян» и назвал его по имени реки Москвой, город, естественно, начал расти и расширяться. Московские князья были заинтересованы в привлечении в город людей: ремесленников, крестьян, воинов, и поэтому призывали их отовсюду специальными грамотами и посулами.

Приходящий в Москву люд расселялся отдельными селениями по роду занятий: огородники на удобных для огородничества землях, гончары возле глины, кузнецы, оружейники и другие мастера, чье ремесло связано с огнем, возле воды, по берегам рек – так, чтобы было чем тушить ненароком вспыхнувший пожар – беду старых деревянных городов, воины – дружинники и стрельцы – возле ворот и застав. Поселяясь в городе, они получали от князя льготы, или, как еще говорили, свободы, от некоторых налогов, поэтому и их поселение называлось свобода, или слобода, так как в живом русском языке «в» может заменяться на «л». В каждой слободе было свое управление, конечно, права его были ограничены, поскольку слободы подчинялись общегородскому управлению, но в бытовой, культурной жизни, наконец, в планировочном, градостроительном отношении были самостоятельны. В слободах строились свои церкви, были свои лавки и базары, складывались свой быт и свои обычаи, поэтому все слободы отличались друг от друга.

С ростом города старинные слободы и деревни входили в городскую черту, становились его частью, но сложившиеся в них экономические и бытовые связи выделяли их в естественные административно-экономические районы, причем районы сохраняли свои исконные слободские названия – Гончары, Каменщики, Садовники, Зубово и так далее. До сих пор, несмотря на многочисленные слияния и разделения районов Москвы, сохраняется своеобразие отдельных местностей города: Арбатские переулки отличаются от Замоскворечья, Заяузье от Лефортова, и это стало одной из главных черт своеобразия Москвы.

М.В. Ломоносов, анализируя феномен Москвы, писал: «Москва стоит на многих горах и долинах, по которым возвышенные и униженные стены и здания многие города представляют, которые в один соединились».

После Ломоносова многие писатели, публицисты, поэты писали о своеобразии московских районов. Вот, например, стихотворение известного поэта пушкинского времени М.А. Дмитриева «Московская жизнь»:

Знаете ль вы, что Москва? – То не город, как прочие грады,
Разве что семь городов, да с десятками сел и посадов.
В них-то что город, то норы, а в тех деревнях свой обычай.
...В нашей Москве благодатной дышит несколько жизней:
Пульс наш у каждого свой, не у всех одинако он бьется,
Всякий по-своему хочет пожить, не указ нам соседи...
Там, на Кузнецком мосту, блеск и шум, и гремят экипажи,

А за тихой Москвою-рекой заперты все ворота.
Там, на боярской Тверской, не пробил еще час привычный
обеда,
А на Пресне, откушав давно, отдохнули порядком,
И кипит самовар, и собираются на вечер гости...

А.Н. Островский в своем очерке «Записки замоскворецкого жителя» называет Замоскворечье даже не «городом», а «страной»: «Страна эта... лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего... и называется Замоскворечье».

Может быть, самым наглядным примером слободского своеобразия, но не замкнутости является известная с XVI века Немецкая слобода (Лефортово), в которой селились иноземцы, но там же искони жили и русские, и, как повествует старый путеводитель, «все религии жили в полном согласии». При том что местность называли «немецкой слободой» и, по расхожему мнению, Петр I там обрел топор, которым прорубал «окно в Европу», с тем же районом связаны значительные факты русской культуры.

Здесь родился один из самых почитаемых русских святых – юродивый Василий Блаженный, родились великие русские поэты А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, здесь сложился талант замечательного русского художника П.А. Федотова...

Принцип разумной свободы и независимости слобод в общей застройке Москвы пронизывал всю структуру города, при всем существовавшем социальном неравенстве. Соседство дворца и лачуги воспринималось как естественное явление, и князь П.А. Вяземский писал о Москве:

Здесь чудо барские палаты
С гербом, где вписан знатный род.
Вблизи на курьих ножках хаты
И с огурцами огород...

Все это так – и тем прекрасней!
Разнообразье – красота:
Быль жизни с своеобразной басней,
Здесь хлам, там свежая мечта.
Здесь личность есть и самобытность,
Кто я, так я, не каждый мы...

То же, что отметил Вяземский в москвиче, выделив из «мы» «я», отмечают и многие другие писатели. В москвиче сильно стремление к личной свободе, самостоятельности, и это качество не зависит от социальной принадлежности, поэтому-то все жители Москвы так держатся своих особенных привычек и воззрений. Московские предания богаты воспоминаниями о чудаках и оригиналах. Москвич стремился к частной собственности, потому что не государственная, не общественная собственность, а только частная давала независимость. В.Г. Белинский в очерке «Петербург и Москва» иронизирует: «У самого бедного москвича, если он женат, любимейшая мечта целой его жизни – когда-нибудь перестать шататься по квартирам и зажить своим домком. И вот, с горем пополам, призвав на помощь родное «авось», он покупает... пустопорожнее место в каком-нибудь захолустье и лет пять, а иногда и десять, строит домишко о трех окнах... И наконец наступает вожделенный день переезда в собственный дом; домишко плох, да зато свой... Таких домишек в Москве неисчислимо множество».

Личная независимость естественно порождает в человеке чувство самоуважения и уважение к нему со стороны других. Белинский отмечал, что эти самые «домишки о трех окнах»

«попадают даже на лучших улицах Москвы, между лучшими домами, так же как хорошие (то есть каменные в два и три этажа. – *В.М.*) попадают в самых отдаленных и плохих улицах, между такими домишками».

Москва как город складывалась и развивалась под воздействием и по принципам свободного гражданского общежития, духовности и сопутствующего им житейского здравого смысла.

Планировка кварталов, направление улиц и переулков определились их общественной необходимостью и рельефом местности; при строительстве учитывались интересы соседей – ближних, уличных, всей слободы, и в то же время каждый строился, как ему удобнее и сообразуясь со своими средствами. При таком естественном развитии укреплялась традиция сосуществования и преемственности, удачные, удобные для людей улицы и переулки оставались на века. Город жил, строился и перестраивался, но при этом обязательно учитывались приобретения прошлого. «Москва строилась веками», – утверждает пословица.

Живой, естественно развивающийся организм Москвы хорошо чувствовали архитекторы, которым было поручено восстановление Москвы после пожара 1812 года. Тогда сгорело, было разрушено почти две трети зданий, но Москва как город, как структура не была уничтожена.

В созданную в мае 1813 года «Комиссию для строений Москвы», на которую возлагалась задача восстановления города и нового строительства, вошли архитекторы Д.Г. Григорьев, О.И. Бове, И.Д. Жуков, Ф.Д. Соколов, Ф.М. Шестаков и другие. Многие из них были учениками или соратниками М.Ф. Казакова и его последователями. Комиссия принялась за разработку плана восстановления столицы.

Одновременно Александр I поручил составить план восстановления Москвы главному архитектору Царского Села В.И. Гесте, который Москвы не знал, но тем не менее взялся за выполнение поручения и представил свой проект. Его проект предусматривал почти полную перепланировку города. Москва представлялась Гесте чем-то вроде регулярного французского парка с центральной площадью-клумбой – Кремлем и отходящими от него веером прямыми улицами-лучами, кончавшимися на приведенном к правильному кругу Камер-Коллежском валу площадями. В феврале 1813 года Гесте посетил Москву, но работа над проектом велась по планам, без ознакомления с натурой, поэтому проект был в значительной степени плодом абстрактных построений и фактически ломал исторически сложившуюся структуру города. Проведение новых улиц-лучей, расширение старых, образование площадей требовало многочисленных сносов. Сам Гесте объяснял, что «все строения, которые означены в сломку, состоят в одноэтажных и малой части двухэтажных домов, весьма не важных», так же легко он относился к древним постройкам, рекомендуя, например, «выровнять», то есть снести, стены Китай-города и сделать на его месте бульвар.

Получив в июне 1813 года лихой проект Гесте, московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин послал в Петербург свои возражения на него. Прежде всего он сообщает, что среди предназначенных к сносу строений «есть много значащих зданий и обширных домов... Уничтожение же вовсе сих строений, исключая знатного убытка, хозяевам нанесет огорчение и произведет ропот, быв совсем несогласно благотворным видам государя императора». Не согласен он и с уничтожением Китайгородской стены: «Стену Китай-города, хотя она и требует поправления, должно оставить, потому что она по долговременности своей заслуживает уважения и дает вид величественности части города, ею окруженной».

Следует особенно подчеркнуть, что сохранение исторической застройки, памятников архитектуры и памятников истории (в большинстве случаев они соединяют в себе и то и другое, как, например Сухарева башня) – является главной московской градостроительной традицией. Ее понимали и понимают настоящие московские архитекторы. Понимало и понимает это московское общество, причем общество в широком смысле, общество всех классов и сословий.

Москва – исторический город, она вошла в ряд мировых исторических столиц благодаря своей исторической застройке, поэтому разрушение этой застройки означает просто уничтожение Москвы. Московское общество, понимая это, во все времена относилось к разрушителям старины с неодобрением.

В 1813 году замечательный и импульсивный поэт Н.М. Языков в стихотворении, посвященном Москве, писал:

Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!
О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!

Всем известны проклятья, которые посылали москвичи в 1930-е годы в адрес разрушителей исторической Москвы, возглавляемых руководителем московских большевиков Л.М. Кагановичем. Памятна и расправа властителей-разрушителей с защитниками московских памятников, которых НКВД арестовывало, сажало в тюрьмы, отправляло в лагерь. Один из подвергнутых репрессиям искусствовед Г.К. Вагнер свои воспоминания назвал: «Десять лет Колымы за Сухареву башню», его обвинили в том, что он «ругал Кагановича, Ворошилова и других за снос Сухаревой башни и Красных ворот».

Демьян Бедный, радуясь результатам устрашения, писал:

Как грандиозны перемены
Везде, во всем – и в нас самих.
Снесем часовенку, бывало,
По всей Москве: ду-ду! ду-ду!
Пророчат бабушки беду.
Теперь мы сносим – горя, мало,
Какой собор на череду.
Скольких в Москве – без дальних споров —
Не досчитаешься соборов!
Дошло: дерзнул безбожный бич —
Христа-Спасителя в кирпич!
Земля шатнулася от гула!
Москва и глазом не моргнула.

Опасаясь порицать политику московских властей открыто, москвичи осуждали ее потихоньку, в разговорах.

Деятели сталинского Генерального плана реконструкции Москвы до сих пор поминают недобрым словом, их черная слава дошла до внуков и правнуков.

Такие же чувства испытывают и современные москвичи к современным посягателям на великолепье московской старины, такая же слава уготована им и в народной памяти.

Однако вернемся к проекту реконструкции Москвы придворным архитектором В.И. Гесте в 1813 году.

«Комиссия для строений Москвы» выступила с решительными возражениями против этого «спущенного сверху» плана, для чего, конечно, требовались и профессиональная честность, и немалое гражданское мужество. К счастью, архитекторы, восстанавливавшие Москву

после пожара 1812 года, обладали этими качествами в полной мере. В отзыве на имя царя они писали: «Прожектированный план хотя заслуживает полное одобрение касательно проектов теоретических, но произвести оные в исполнение почти невозможно, ибо многие годы и великие суммы не могут обещать того события, чтобы Москву выстроить по оному плану, поелику художник, полагая проекты, не наблюдал местного положения».

Отбившись от проекта Гесте, московские архитекторы разработали собственный план, в котором соблюдалась историческая преемственность в планировке города и ставилась задача сохранить и восстановить пострадавшие исторические памятники. Но в то же время, развивая московские градостроительные традиции, они создали новый архитектурный стиль – московский ампир, постройки которого естественно вошли в городскую среду и стали еще одной своеобразной чертой облика Москвы.

Веками Москва накапливала эти черточки, воплотившиеся в тех или иных зданиях, тщательно отбирала, а отобрав, крепко за них держалась, потому что они-то и создавали ее образ – и смысловой, и эстетический, и архитектурный.

Личность невозможна без самосознания. «Гость недолго гостит, да много видит», утверждает пословица. Таким образом, гостю надлежит смотреть и видеть, а хозяину, чтобы не ударить в грязь лицом следует строить красоту, вызывающую восторг и удивление (это, впрочем, на Руси всегда умели) и беречь ее от разрушения. Самая ранняя известная нам письменная русская оценка Москвы относится к XIV веку, к эпохе Дмитрия Донского и Куликовской битвы. В «Задонщине» – повести-поэме, посвященной этой битве, читаем: «О жаворонок-птица, красных дней утеха, возлети под синии небеса, посмотри к сильному граду Москве», а после победы князь Дмитрий обращается к своему боевому соратнику: «И пойдем, брате князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному граду Москве». К этому же времени относится и описание Москвы в летописи: «Град Москва велик и чуден, и много людей в нем и всякого узорочия».

Городскими «чудесами» и «узорочьем» раньше называли то, что теперь получило название памятников истории и архитектуры.

Образ города складывался в сочетании направленного на «украшение» строительства и векового народного, общественного отбора «истинно московских» достопримечательностей.

Среди народных лубочных листов XVIII–XIX веков, расходившихся по всей России, проникавших в самые удаленные деревни, есть листы, рассказывающие о Москве. Ведь лубок прежде всего – это рассказ, рассказ в картинках. Так вот эти лубки, названия которых варьировались, но смысл оставался один – «Московские святыни и достопримечательности», – представляют собой расположенные по листу в рамках-картушах или без них изображения этих самых «истинно московских» сооружений. В XX веке по тому же принципу давался образ Москвы в календарях, выпускаемых И.Д. Сытиным, в путеводителях, даже в таком издании, как «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского».

Принцип создания лубка-рассказа о Москве на протяжении века не менялся, правда, число изображений бывало разное, но круг изображаемых сюжетов оставался постоянным, скупо пополняясь с годами.

М.Ю. Лермонтов в «Панораме Москвы», окинув общим взглядом открывающуюся с высоты Ивана Великого панораму города и сказав о нем несколько фраз, затем так же останавливает взгляд на отдельных постройках – храме Василия Блаженного, Сухаревой башне, памятнике Минину и Пожарскому и, характеризуя их, дает общий художественный образ Москвы. Свободное разнообразие, естественная индивидуализация – основы этого образа, а его детали – отдельные памятники. Потому-то, заметим, ни один из них не может быть ничем заменен, и утрата каждого наносит урон и градостроительному, и духовному образу города.

Итак, на чем же держался (да держится и сейчас) духовный, нравственный и художественный образ Москвы? Прежде всего Кремль, панорама которого воспринимается единым памятником. Кремль был воплощением живой народной исторической памяти. «Ты жив, и каждый камень твой // Заветное преданье поколений», – сказал о нем М.Ю. Лермонтов. В советское время, когда Кремль оказался закрыт и отнят у народа, его восприятие изменилось, но не настолько, чтобы совершенно уничтожилось старое.

В 1918 году Марина Цветаева написала:

...О, самозванцев жалкие усилья!
Как сон, как снег, как смерть – святыни – всем.
Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья!
И потому – запрета нет на Кремль!

Из кремлевских достопримечательностей выделялись в отдельные рисунки Спасская башня – заветный, святой вход в Кремль, Иван Великий, Царь-пушка и Царь-колокол.

Вне Кремля – Покровский собор, поставленный Иваном Грозным в ознаменование победы под Казанью, но получивший известность и новое название собора Василия Блаженного по имени похороненного в нем, чтимого в Москве юродивого, смело обличавшего перед Иваном Грозным его злодеяния. (Интересно, что главный государственный Успенский собор, в котором венчались на царство цари, встречается среди этих рисунков довольно редко.)

На всех листах неизменно присутствует Сухарева башня. На одном из таких листов середины XIX века «Пантюшка и Сидорка осматривают Москву» (своеобразном путеводителе по московским достопримечательностям) изображается, как Пантюшка, сам, видно, недавний московский житель, водит по городу приехавшего из деревни земляка и сопровождает показ объяснениями и присловьями. Остановившись перед Сухаревой башней, он восклицает: «Хороша и эта тетеря, не ниже Ивана Великого сляпана, того гляди, что небо заденет!»

Часто изображали храм Успения Божией Матери на Покровке, может быть, лучшее произведение русского барокко конца XVII века; в старинной надписи, находившейся в церкви и сообщавшей о времени ее постройки, сказано: «Се дело рук человеческих, делал именем Петрушка Потапов». Известно, что Потапов был крепостной. Этой церковью восхищались Баженов и Карамзин; Достоевский, как вспоминает его жена, «бывая в Москве, непременно ехал на нее взглянуть». Кстати сказать, в 1922 году зодчий, строивший эту церковь, получил признание у Моссовета: Большой Успенский переулок, на углу которого и Покровки стоял храм Успения и по имени которого назывался, был переименован в Потаповский. Правда, даже несмотря на это, церковь в середине 1930-х годов была снесена; сейчас на этом месте чахлый скверик с несколькими деревьями.

Из скульптурных московских памятников на лубочных листах присутствовали памятник Минину и Пожарскому на Красной площади и поставленный по всенародной подписке памятник А.С. Пушкину на Страстной.

Москва славилась дворцами (сколько восторженных отзывов о них в записках иностранцев), но в число заветных достопримечательностей попал лишь один – Пашков дом на Моховой улице, дворец, построенный В.И. Баженовым, ныне старое здание Ленинской библиотеки, – да и то лишь тогда, когда он перестал быть частным домом, а стал Румянцевским музеем, то есть общественным учреждением.

Среди многочисленных триумфальных арок XVIII века, поражавших и восхищавших москвичей роскошью и богатством, народная память сохранила одну – Красные ворота. Они были воздвигнуты для встречи русских войск после Полтавской битвы. Когда их ставили, они назывались Триумфальными воротами на Мясницкой улице, но вскоре в обыденной речи их стали называть Красными, то есть красивыми. Ворота ветшали, разрушались, но Москва не

желала с ними расставаться, в 1727 году их восстанавливают «как были прежние», в 1750-е годы в указе Сената архитектору Д.В. Ухтомскому приказано: «Красные триумфальные ворота строить для прочности каменные по точно снятому с бывших ворот плану и чертежу». С годами название «Красные» стало восприниматься в прямом смысле, и в конце XIX века их покрасили в красный цвет. В 1926 году воротам вернули прежнюю окраску, побелив их. По этому поводу по Москве ходило четверостишие:

Была белая Москва,
Были красные ворота,
Стала красная Москва,
Стали белыми ворота.

А под названием Триумфальных ворот (также вошедших в этот перечень) известна триумфальная арка, сооруженная в 1829–1834 годах у Тверской заставы в память победы в Отечественной войне 1812 года и возрождения Москвы после пожара.

С постройкой и освящением храма Христа Спасителя в начале 1880-х годов он сразу вошел в число первых и главнейших народных святынь и достопримечательностей Москвы.

На лубочных листах иногда встречаются и другие московские постройки, но главных, обязательных, всего около десяти. Они как бы вобрали в себя и воплотили в совершенных формах какие-то очень важные черты исторического, художественного, нравственного облика Москвы.

Специалисты-архитекторы исследовали и высоко оценили их чисто архитектурные достоинства, установив, что каждая из них играла определенную градостроительную и планировочную роль и была выстроена на единственно возможном и нужном для города месте. В архитектурной мастерской, занимавшейся планировкой площади Красных ворот (тогда Лермонтовской площади), я видел, как архитектор в своих проектах постоянно рисовал снесенные Красные ворота: без них площади просто не получалось; и это было в те времена, когда о восстановлении памятников никто даже заикаться не смел.

Но эти избранные народным сознанием и мнением московские постройки представляют собой не только архитектурные сооружения, они еще и хранители народной исторической памяти и национальных духовных ценностей – вечных идеалов и вечных предрассудков: недаром каждая из них воздействует на чувства, вызывает размышления и порождает легенды. Легендами окутана Сухарева башня, множество преданий связано с Кремлем, Спасской башней, с Иваном Великим, храмом Василия Блаженного, храмом Христа Спасителя...

В XIX веке возникла и широко пропагандировалась легенда о том, что Сухареву башню Петр I повелел поставить в стрелецкой слободе Сухарева полка в благодарность за то, что этот полк остался верным ему во время стрелецкого бунта, и будто бы первоначальный чертеж башни был нарисован собственноручно царем. Так утверждает легенда, однако в надписи на памятной доске, установленной на башне в год окончания строительства, ничего не говорится ни об особой верности полка Сухарева, ни о благодарности Петра. Там написано, что построены «Сретенские ворота» «повелением благочестивейших, тишайших, самодержавнейших великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича... а в то время будущего у того полку стольника и полковника Лаврентия Панкратьева сына Сухарева». Кроме того, документы сообщают, что часть стрельцов Сухарева, как и других полков, принимала участие в бунтах, и легенда об их верности появляется тоже только в начале XIX века. До этого Сухарева башня была памятна Москве другим, и вокруг нее создавались иные легенды.

Стрелецкие бунты по сути своей были не династическими войнами, стрельцы – а это была довольно значительная часть простого московского населения – бунтовали против власти,

добиваясь облегчения своего положения; после первого – удачного – бунта на Красной площади и в других местах были установлены специальные доски, на которых были записаны права и льготы, которых добились стрельцы. Такой же памятью о победе стрельцов стала народная легенда о постройке каменной башни. После жестокого подавления стрелецкого бунта Петром I доски были уничтожены, а башня, хотя и отобранная у стрельцов (в ней Петр I устроил первое в России морское учебное заведение – Навигацкую школу), осталась воспоминанием о тех кратковременных, но опьяняющих днях стрелецкой вольности.

Между прочим, о верности Сухаревского полка Петру фольклористы не записали ни одной народной песни, а про восстание стрельцов пели даже двести лет спустя, в начале XX века:

Как у нас то было во матушке кременной Москве,
На Красной площади,
Собиралися стрельцы-бойцы, добрые молодцы...

Еще в XVII веке в народе родилось поверье, что, пока стоит Иван Великий, будут стоять и Москва, и Россия. Поэтому в 1812 году после ухода французов москвичи с окраин города и подмосковные крестьяне специально приходили убедиться, что при взрыве Кремля колокольня устояла. С ее ремонта и началось восстановление города. Это народное представление об Иване Великом как символе Москвы и России нашло отражение в поэзии. О нем пишет М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Два великана»:

В шапке золота литого
Старый русский великан...

И в самом известном русском стихотворении о Москве – стихотворении Ф.Н. Глинки «Москва» («Город чудный, город древний») также есть строки о том же:

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?

А когда заходила речь о церкви Успения Божией Матери, что на Покровке, обязательно рассказывали, что Наполеон, пораженный ее красотой, поставил специальный караул, чтобы защитить от пожара...

Большой знаток исторической и современной ему Москвы и народного быта, романист и поэт (между прочим, автор известных народных песен «По диким степям Забайкалья» и «Очаровательные глазки») И.К. Кондратьев в своем замечательном исследовании-путеводителе «Седая старина Москвы», вышедшем в 1893 году, пишет о том, что образ Москвы, который существует в сознании русского народа, как раз и связан с этими достопримечательностями. «Кому из русских, даже не бывших в Москве, неизвестно название Сухаревой башни? Надо при этом заметить, – пишет он, – что во внутренних, особенно же отдаленных губерниях России Сухарева башня вместе с Иваном Великим пользуется какою-то особенною славою: про нее знают, что это превысокая, громадная башня и что ее видно отовсюду в Москве, как и храм Христа Спасителя. Поэтому-то всякий приезжающий в Москву считает непременно долгом прежде всего побывать в Кремле, взойти на колокольню Ивана Великого, помолиться в храме Спасителя, а потом хоть проехать подле Сухаревой башни...»

Важнейшая черта своеобразия Москвы заключается в том, что московская старина всегда воспринималась живой тканью города. Известный бельгийский поэт-модернист Эмиль Верхарн, посетивший Москву в 1913 году, восторгался панорамой древней русской столицы, называл ее «очаровательной феерией». В своем описании он обращает внимание преимущественно на исторические памятники и «сорок сороков» московских церквей, но, несмотря на это, в его рассказе нет ни прямого утверждения, ни подтекстного ощущения Москвы как города-музея, города-воспоминания, города – декорации отшумевшей жизни.

Москва всегда легко и органично включала в свой пейзаж новое и при этом не теряла традиционного облика. П.А. Вяземский, помнивший и любивший Москву до пожара, в 1860-е годы описывает пейзаж Москвы этого времени, Москвы промышленной, капиталистической, и он не вызывает у него, казалось бы, естественного раздражения, он видит в нем не отрицание прежнего, а естественное развитие и прекрасное доброе единство, которое бывает в крепких многопоколенных семьях:

...Есть прелесть в этом беспорядке
Твоих разбросанных палат,
Твоих садов и огородов,
Высоких башен, пустырей,
С железной мачтою заводов
И с колокольнями церквей!

Система «истинно московских достопримечательностей» и церковью предоставляла большую свободу строительству, но в то же время налагала на строителей большую нравственную ответственность; от них требовалось сочетать, согласовать новую застройку со старой, не разрушить гармонии. Конечно, находились лишенные этого нравственного чувства заводчики, ставившие на месте вырубленной рощицы огромный завод-сарай и окружавшие его бараками и лачугами для рабочих, нувориш-предприниматель, выгонявший доходный дом в высоту настолько, чтобы он только не обвалился; бывало, градоправители затевали сносить архитектурные и исторические памятники, чтобы не возиться с их ремонтом, и продать землю с выгодой якобы для города, а в действительности для собственного кармана. Но подобные акты неизменно вызывали протесты московской общественности, и во многих случаях удавалось остановить вандализм.

Таким образом, в дореволюционной Москве были сохранены многие памятники: и Китайгородская стена с башнями, и Сухарева башня, и древние храмы и часовни. Нужно сказать, старые московские архитекторы и строители в подавляющем большинстве обладали и чувством Москвы, и тактом. Сейчас особенно хорошо видно, как модерн начала XX века – и особняки, и доходные дома – вписался в структуру города, став таким же московским, как и московский ампир арбатских переулков.

В начале XX века Москва уже была большим промышленным капиталистическим городом, но, несмотря на это, избежала опасности стандартизации своего облика. Последний предреволюционный путеводитель «По Москве» (точнее, написанный до революционных событий, а вышедший в 1917 году, между Февралем и Октябрем) дает такую общую характеристику городу: «Когда вы попадаете в Москву и начинаете ориентироваться в этом мире домов, захвативших огромное пространство в полтораста с лишним квадратных верст, у вас не может не сложиться представления о Москве, как о городе со своеобразной, ему только присущей физиономией. ... От всего этого остается впечатление большого и очень сложного целого, живущего напряженной и своеобразной жизнью, – впечатление старого, но в то же время быстро развивающегося города, непрестанно вносящего в свою жизнь все новые и новые черты, – города, преуспевающего в настоящем и имеющего все данные для преуспеяния в будущем».

Архитектурная и планировочная «нерегулярность» Москвы настолько очевидна, что давно уже стала для архитекторов и градостроителей банальной истиной, и у ремесленников этой профессии постоянно вызывала и вызывает до сих пор желание и попытки ее «отрегулировать».

Однако во внешней «нерегулярности» Москвы заключена высшая организация, более глубокая, чем формальная «правильность» линий, более разумная, основанная на здравом смысле и на духовном, нравственном осмыслении общественной жизни: ведь Град, Город – материальное воплощение самой идеи общежития, а в Москве конкретно – идеи московского общежития.

Эта идея пронизывает буквально все атомы городской структуры: от общего плана до каждого переулка, двора, дома. Поэтому частные «поправки», архитектурные и градостроительные, не могут изменить ее. Даже страшный по своей разрушительной силе, сравнимый только с татарскими погромами и разорением 1812 года, Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года, который должен был, по образному выражению Л.М. Кагановича, построенную «пьяным сапожником» Москву преобразить в социалистический город, не разрушил сложившийся за века духовный, художественный и даже архитектурный образ города. «Неисправимость» Москвы, как и других исторических городов мира, прекрасно понимал Ле Корбюзье, который по поводу их реконструкции, предвидя, что для этого их нужно было разрушать «до основанья», заявил: «Что же касается Парижа, Лондона, Москвы, Берлина или Рима, то эти столицы должны быть полностью преобразованы собственными средствами, каких бы усилий это ни стоило и сколь велики ни были бы связанные с этим разрушения».

Попытка разрушения исторического города – покушение не на камни, а на душу. Давно было сказано: убивающий тело совершает тяжкое преступление, убивающий душу – тягчайшее.

Душа исторического города – историческая память народа и в то же время воплощение национального характера. Повторим замечательные слова С.В. Максимова: «Москву собирала вся Русь и сама в ней засела». Потому-то по всей России к Москве всегда было особое отношение как к своему, родному, что выразилось в общенародном ее названии – Москва-матушка. Потому-то так легко приживаются люди в Москве и становятся истинными москвичами, принимая на себя «особый отпечаток». Потому-то и сказал А.С. Пушкин:

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Душа – всему мера. Мера строгая и самая верная, но – увы! – слишком часто подменяемая иными мерами: пользы, сиюминутной, преходящей целесообразности, выгоды, что в конце концов, как правило, оборачивается фальшью и обманом.

Москва пережила и переживает тяжкие испытания, она разорена, обманута, разграблена, но все равно она прекрасна, и, несмотря ни на что, ее мерой остается душа.

Чтобы убедиться в этом, достаточно пройтись по какой-нибудь старой московской улице или переулку, взглянуть с моста на Кремль, посидеть вечером за столом в случайной компании и потолковать о России и судьбах человечества...

Пословицы, поговорки, крылатые слова

О пословицах, поговорках и крылатых словах

Пословиц и поговорок, в которых упоминается Москва, много. В фундаментальном труде Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа» – самом обширном собрании этого жанра русского фольклора – пословицы и поговорки сгруппированы в разделы-главки по темам: «Бог – вера», «Богатство – убожество», «Хорошо – худо», «Грамота», «Казна», «Правда – кривда», «Народ – мир» и так далее. Пословицы, в которых упоминается Москва, рассыпаны по разным разделам. «Харитон с вестьми прибежал из Москвы» – это из раздела «Молва – слава»; «Он на показ до Москвы без спотычки пробежит» – раздел «Сущность – наружность»; «От копеечной свечки Москва загорелась» – раздел «Осторожность»; «Наш Пахом с Москвой знаком» – раздел «Прямота – лукавство»; «Не только звону, что в Звенигороде, есть и в Москве» – раздел «Поиск – находка»; «Выше Ивана Великого» – раздел «Много – мало»; «Вались народ от Яузских ворот» – раздел «Народ – мир». По разным поводам и случаям вспоминает русский народ Москву.

Пословицы создавались и самими москвичами, и жителями других областей России. «Со стороны виднее», «Гость недолго гостит, да много видит», – утверждает пословица, оттого-то пословицы про Москву найдешь в любом областном сборнике, потому-то их услышишь повсюду – от западных украинских и белорусских областей до Дальнего Востока. Эти пословицы выражают отношение всей страны к древней российской столице, рассказывают о том, какой представляется московская жизнь «со стороны». Впрочем, выражение «со стороны» не совсем точно, потому что складывались пословицы людьми, прожившими в Москве, наблюдавшими московскую жизнь, одним словом, по существу, тоже москвичами.

Ряд московских пословиц рожден историческими событиями и обстоятельствами старинного московского быта и сохраняет в себе память о них. Правда, далеко не всегда эта связь видна и понятна современному человеку. Так, например, ни у кого сейчас не вызывает разнотолков смысл выражения «У семи нянек дитя без глазу», но о происхождении его и связи с одним из эпизодов русской истории начала XVII века – семибоярщиной – вряд ли кто подумает, произнося эту пословицу, употребляемую, кстати сказать, весьма часто.

Невозможно назвать точное число пословиц и поговорок о Москве – их сотни, и сколько бы ни собрал их, все нет уверенности, что завтра не вычитаешь где-нибудь или не услышишь новую.

Иные пословицы, в которых упоминается Москва, и меткие словечки-прозвища получили общее, нарицательное значение и применимы не только к московской жизни. Таковы, например, такие меткие слова-понятия, как «лодырь», «архаровец», пословица «Москва не сразу строилась», понимаемая как утверждение, что во всяком большом деле могут быть и отдельные неудачи, и из-за этого не следует бросать его.

О происхождении и роли пословиц в нашей отечественной культуре по-своему, оригинально и очень тепло написал Николай Михайлович Карамзин, который использовал их как источник исторических сведений в работе над «Историей государства Российского».

«Россия имела особенную систему нравовучения в своих народных пословицах... Ныне умники пишут; в старину только говорили; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно. Ныне живут мертвые в книгах, тогда жили в пословицах. Все хорошо продуманное, сильно сказанное передавалось из рода в род. Мы легко забываем читаное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу; но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведение любопыт-

ное. Добрый купец, боярин, редко грамотный, любил внучатам своим твердить умное слово деда его, которое обращалось в семейственную пословицу. Так разум человеческий в самом величайшем стеснении находит какой-нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока хотя под землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками».

До нас дошли пословицы и меткие словечки, родившиеся в разные времена и в разных обстоятельствах, о некоторых из них и пойдет наш дальнейший рассказ.

И Мамай правды не съел

С именем татарского военачальника хана Мамаю – в 1370-е годы фактического правителя Золотой Орды – связывают две группы русских пословиц и поговорок.

В первой группе говорится о его поражении в Куликовской битве, во второй – о том горе и разрушениях, которые приносили татаро-монголы на Русь.

Сначала пословицы о Куликовской битве.

20 августа 1380 года с раннего утра и до обеда выходило из Москвы русское войско – полк за полком, отряд за отрядом, дружина за дружиной – по трем дорогам, потому что одна дорога была тесна для него. В этот поход на Дон навстречу татарскому войску хана Мамаю вышли воины почти всех русских земель и княжеств.

«Стук стучит и аки гром гремит в славном граде Москве, – описывает современник движение войска, – то идет сильная рать князя Дмитрия Ивановича, а гремят русские сынове своими злаченными доспехи...»

Шли воины с сознанием, что идут «с великим князем за всю землю Русскую на острые копия».

Поход хана Мамаю на Русь 1380 года по своим задачам преследовал принципиально иную цель, чем обычные набеги татар на русские села и города. Прежде в своих набегах татары выступали грабителями, которые, избивая и убивая жителей, захватывали добычу и уходили восвояси. Мамай же ставил своей целью захват Руси и установление в ней своего правления. «Аз не хочу тако сотворити, яко же Батый, – формулировал он свою программу действий, – но егда дойду Руси и убию князя их, и которые грады красные довлеют нам, и ту сядем и Русью владеем, тихо и безмятежно поживем».

Для завоевания и последующего «владения» Русью Мамай значительно увеличил свою армию за счет отрядов из подвластных ему племен и народов, а также наемников, обещав им русские города и земли. По свидетельству «Задонщины», Мамай «пришел на Русскую землю со многими силами, з девятью ордами и 70 князьями».

Князь Дмитрий и все русские люди хорошо представляли, что несет с собой «сиденье» на Руси хана и его союзников: речь шла об уничтожении русской государственности и порабощении народа в буквальном смысле этого слова, ибо наемники, как, например, генуэзцы, промышляли работоторговлей.

Разноплеменной коалиции охотников до русских земель и русских рабов противостояла единая русская армия: великороссы, белорусы и украинцы, поэтому война имела ярко выраженный национально-освободительный характер, что отразилось в фольклоре и литературе. «В истории русского народа, – пишет академик М.Н. Тихомиров, – «Донское побоище», как его называли современники, было великим событием. Сражение на Дону сделалось символом непобедимого стремления русского народа к независимости, и ни одна русская победа над иноземными врагами вплоть до Бородинского сражения 1812 года не послужила темой для такого количества прозаических и поэтических произведений, как Куликовская битва».

В эти трудные и роковые времена общность народа проявилась также в таком единении всех сословий народа и власти, которого не было на Руси ни до того, ни после.

Битва на Куликовом поле 8 сентября 1380 года, в которой участвовали примерно по 120–150 тысяч воинов с той и другой стороны, была упорной и ожесточенной.

«Сошлись на долгие часы обе силы великие, и покрыли полки поле верст на десять – такое было множество воинов, – рассказывает летописец (текст приводится в переводе на современный язык). – И была сеча лютая и великая, и битва жестокая, и грохот страшный; от сотворения мира не было такой битвы у русских великих князей, как при этом великом князе всея Руси. Бились они от шестого часа до девятого. Словно дождь из тучи, лилась кровь и русских

сынов, и поганых, и бесчисленное множество пало мертвыми с обеих сторон. И много руси было побито татарами, и татар русью. И падал труп на труп, падало тело татарское на тело христианское...»

После трех часов битвы татары дрогнули и побежали, побежал, спасая свою жизнь, и сам предводитель их хан Мамай. Русские преследовали, побивая татарское войско, пятьдесят верст.

Ужасное зрелище представляло Куликово поле после битвы: «не бе видети порожнего места, но все покрыто человеческими телесы: христианы, но седморицею больши того побито поганых».

Куликовская битва стала переломным событием борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, она показала путь к освобождению и победе. И хотя формально татары еще считали Русь подвластной им и обязанной платить дань, хотя время от времени они совершали грабительские набеги на русские земли, но русские люди уже преодолели свой страх перед татарами и все чаще и чаще оказывали им сопротивление, что в конце концов привело к полному непризнанию Россией какой-либо своей зависимости от Орды. Это случилось в 1480 году в царствование Ивана III, и считается датой окончательного освобождения от татаро-монгольского ига.

Сквозь семь веков дошли до нас пословицы, сформулировавшие народное понимание и народную оценку Куликовской битвы. Очень верный и проницательный взгляд.

Вот эти пословицы эпохи Куликовской битвы:

«Что Батый был приобрел, тое все Мамай потерял».

«Отошла пора татарам на Русь ходить».

«И Мамай правды не съел».

В последней пословице С.В. Максимов находит общий смысл со знаменитыми словами Александра Невского, сказанными им своей дружине перед битвой на Неве. Александр Невский сказал: «Не в силе Бог, а в правде», а русский народ говорит: «И Мамай правды не съел».

Поговорки «словно Мамай воевал», «словно Мамай прошел», «словно после Мамаева побоища» также пришли в современную речь из времен татаро-монгольского ига. Их современное значение – крайняя степень разорения, разрушения, опустошения, оно общепонятно и не вызывает никакого другого толкования, поговорки употребляются в живой повседневной речи и известны по классической литературе.

П.П. Ершов в «Коньке-горбунке» пишет:

Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной.

У А.Н. Островского в комедии «Правда – хорошо, а счастье лучше» Мавра Тарасовна жалуется: «Оглядиись хорошенько, что у нас в саду-то! Где же яблоки-то? Точно Мамай с своей силой прошел – много ль их осталось?»

Во фразеологических словарях, начиная с XIX века (что подтверждают и выше приведенные тексты, где слово «Мамай» написано с прописной буквы) и до самых современных, утверждается, что здесь речь идет об известном историческом лице – хане Мамае. Имя «Мамай» знают все, причем знают как имя полководца, которого разбил Дмитрий Донской. Но инерция мышления заставляет в поговорки «Пусто, словно Мамай воевал», «Где Мамай пройдет, там трава не растет», которые говорят о грозном победителе и разрушителе, а не о побитом неудачнике, подставлять известное имя, не думая, так сказать, о контексте.

Дело в том, что слово «мамай» в этих выражениях – имя не собственное, а нарицательное: мамами на Руси в XIII–XV веках называли татар. Произошло оно от названия татарского фольклорного персонажа «мамая» – чудовища, которым пугают детей, и поговорки, в которых оно употреблено, возникли на несколько веков раньше, чем родился исторический хан Мамай.

Москва не раз становилась жертвой татарского разорения. В 1237 году орды Батыя, разбив русское войско под Коломной, «взяша, – как сообщает летопись, – Москву... люди избиша от старьца и до сущего младенца, а град и церкви святые огневи предаши, и монастыри все и села пожгоша, и, много именья взявше, отъидоша».

С тех пор татары неоднократно совершали набеги на Москву, и каждый раз летопись отмечает: «избиша», «пожгоша», «разориша».

Два года спустя после Куликовской битвы пришел к Москве, как сказано в летописи, «со всею силою» хан Золотой Орды Тохтамыш. Не взявши города штурмом, он прибег к обману, обещав не разорять Москву, не убивать жителей, а только, получив следующую ему дань, уйти восвояси, даруя москвичам «мир и любовь свою». Москвичи поверили его обещаниям, открыли ворота и вышли навстречу с дарами. Среди встречавших хана были и воевода (князя Дмитрия в то время не было в Москве), и священники, и «большие люди», и простой народ. Все они были наказаны за свое легковерие: татары, изрубив встречавших, ворвались в город, и «бысть внутрь града сеча велика».

«Тако вскоре злии взяша град Москву... – сообщает летописная «Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша», – и град огнем запалиша, а товар и богатство все разграбиша, а людие мечу предаша... Бяше бо дотолє видети град Москва велик чюдєн, и много людий в нем и всякого узорочия, и в том часе изменися, егда взят бысть и пожжен; не видети иногò ничегò же, разве дым и земля, и трупия мертвых многих лежаща, церкви святые запалени быша и падошася, а каменныя стояща выгоревшая внутри и огоревшая вне, и несть видети в них пєния, ни звонєния в ко-локолы, никогò же людєй ходяща к церкви, и не бє слышати в церкви поющєго гласа, ни славословия; но все бяше видети пусто, ни единого же бы видети ходяща по пожару людєй...»

Об этом и других разорениях Москвы и других городов и сел и говорят сохранившиеся с тех пор в русском языке выражения «словно маймай прошєл», «словно маймай воевал», хотя в каждом случае у каждого «мамая» было свое имя: то Батый, то Тохтамыш, то еще какое-нибудь. Слово «мамай» в том значєнии, в котòром оно употреблялось во времена татарò-монгòльского ига, в русском литературном языке не сохранилось, память о нем осталась лишь в некоторых областных говорах.

Областные говоры русского языка дают материал для выяснения значения этого слова. Перед революцией в Московской области было записано и опубликовано в «Словаре русских народных говоров» слово «мамай» в значєнии «татарин». На Волге еще в 1920-е годы татарские могильники времен Золотой Орды называли «мамайскими могилами», такого же происхождения название «Мамаев курган» в Царицыне. А на Дону до сих пор исторические песни о татарò-монгòльском нашествии называют маймайскими:

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон дєлят...

или:

С князей брал по сту рублев,
С бояр по пятидєсят,
С крестьян по пяти рублев.

У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.

В связи с тем что слово «мамай» в значении «татарин», хорошо известное в XIII–XV веках, позже ушло из языка, и выражение «как мамай прошел» хотя и было понятно, но перестало употребляться и существовало лишь в пассивной памяти народа, ему, по всей вероятности, грозило со временем полное забвение. Но в XVIII веке оно, обретя второе дыхание, вновь вошло в активный словарь языка.

С Петра Великого началась новая блестящая эпоха победных войн России. На этом фоне поднялся интерес к военной истории страны, к воинским подвигам предков, в первом ряду которых стоял Дмитрий Донской – победитель в Куликовской битве. К его образу обратились художники и писатели. М.В. Ломоносов написал трагедию «Тамира и Селим», в которой, как он пишет в предисловии, «изображается стихотворческим вымыслом позорная гибель гордого Мамайя, царя татарского, о котором из российской истории известно, что он, будучи побежден храбростью московского государя, великого князя Дмитрия Иоанновича на Дону, убежал с четырьмя князьями своими в Крым, в город Кафу, и там убит от своих». Во второй половине XVIII века несколько раз издается лубочный лист «Ополчение и поход великого князя Дмитрия Иоанновича противу злочестивого и безбожного царя татарского Мамайя, его же Божию помощью до конца победы»; выходит предназначенное для народа сочинение поручика Ивана Михайлова «Низверженный Мамай, или Подробное описание достопамятной битвы... на Куликовом поле» и другие сочинения.

В 1807 году, когда Россия жила в ожидании неминуемой войны с Наполеоном, имела всеобщий успех трагедия В.А. Озерова «Дмитрий Донской». Современный критик писал о ней: «Озеров возвратил трагедии истинное ее достоинство: питать гордость народную священными воспоминаниями и вызывать из древности подвиги великих героев, служащих образцом для потомства».

О воздействии этой трагедии на зрителя рассказал в своем дневнике С.П. Жихарев: «Вчера, по возвращении из спектакля, я так был взволнован, что не в силах был приняться за перо, да, признаться, и теперь еще опомниться не могу от тех ощущений, которые вынес с собою из театра... Я сидел в креслах и не могу отдать отчета в том, что со мною происходило. Я чувствовал стеснение в груди, меня душили спазмы, была лихорадка, бросало то в озноб, то в жар, то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу – словом, безумствовал, как безумствовала, впрочем, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблоко... Сцена слилась с зрительной залой; чувства, которые выражались актерами, переживались всеми зрителями; молитва, которую трагик Яковлев заключал пьесу, неслась из всех грудей, принималась как выражение общих стремлений».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.